

АЛЕКСАНДР
ПУШКИН

ТАЙНЫЕ СТРАСТИ
СУКИНА СЫНА

Издательство АСТ
Москва

Предисловие

Письмо в Русское евгеническое общество*
Март. 1929 года.

Уважаемые коллеги!

С большим волнением пишу вам как постоянный подписчик и читатель издаваемого вашим Обществом альманаха «Клинический архив гениальности и одаренности». Я, скромный сельский врач, работающий в N*ской районной больнице, всегда интересовался освещаемыми в сборнике проблемами происхождения одаренности, таланта, гениальности и связи этих замечательных проявлений челове-

* Научное общество, существовавшее в 1920–1929 годах, ставившее своей целью изучение вопросов наследственности человека, в том числе вопрос происхождения гениальности и одаренности.

ческого духа с теми или иными душевными недугами, которые еще не полностью побеждены в нашей новом строящемся социалистическом обществе. Я постоянно слежу за патографической* литературой в СССР и на Западе и не мог не отметить, что тогда как в буржуазных странах, и особенно в Германии, творчество и биографии величайших мастеров слова подробно исследованы с этой точки зрения, то в нашей стране в этом отношении сделано очень и очень мало. А один из величайших мастеров слова — Александр Сергеевич Пушкин до сих пор патографически совершенно не освещен. Давно уже пора к этому приступить.

Волей обстоятельств достался мне старинный архив моего двоюродного прадеда, так же как и я, врача. Предок мой, Иван Тимофеевич Спасский, — доктор медицины, профессор Медико-хирургической академии по кафедре зоологии и минералогии. По воспоминаниям его слушателей, он был маленького роста, некрасивый внешне, кривой на один глаз. Запомнились студентам его лекции, которые он читал, стоя на возвышении кафедры, размахивая руками, подпрыгивая и брызгая слюной во все стороны. Зато как читал! В аудитории

* Патография — критика литературных произведений с точки зрения исследования психики их автора.

ТАЙНЫЕ СТРАСТИ СУКИНА СЫНА

яблоку негде было упасть, студенты за час занимали места. Спасский пользовался большой любовью своих учеников, был он человеком прогрессивным и мыслящим: когда возник вопрос о допущении женщин к второстепенной медицинской деятельности, он высказался за положительное разрешение этого вопроса. По отзывам своих современников, он был одним из весьма дельных представителей медицины того времени, одним из лучших русских профессоров, у которого студенты многому научились.

Законодательство царской России включало преподавателей университетов в общую систему чиновной иерархии. Доктор медицины получал чин V класса. Приобретение учености открывало для тех, кто не имел дворянского звания, путь к нему, таким образом предок мой получил личное дворянство. В наши дни забавно читать о том, как мой предок стесняется своего простого происхождения и раболепствует перед князьями и баронами. Но как ни пошло это звучит в наше время, тогда именно чин и происхождение характеризовали социальную значимость человека.

Мой предок жил и работал в то время, когда отечественная психиатрия пребывала еще в состоянии диком и почти первобытном. Душевнобольных людей сажали на цепь, били,

подвергали различным издевательствам. Однако и в жестокой николаевской России находились врачи, опередившие свое время, которые предпочитали лечить больных, предоставляя им возможность созидательно трудиться, обеспечивая нормальные жизненные условия. Безусловно, в условиях царизма это было невероятно сложно! В своих бумагах мой прадед говорит о своем интересе к зарождающейся психиатрии и упоминает имена врачей, стоявших у ее истоков. Сотрудничая с ними, имея обширную практику, он интересовался не только физическими, но и душевными расстройствами своих пациентов, хотя чаще всего моему прадеду приходилось лечить истерию — постыдную болезнь великосветских дам, происходившую от праздности и лени. Знакомство с великим русским поэтом А. С. Пушкиным стало для моего прадеда событием величайшей важности. После женитьбы Пушкина Спасский как специалист-акушер был домашним врачом его семьи. Из опубликованных писем поэта следует, что отношение его к Спасскому было самым добрым, и Пушкин порой даже обедал в гостях у моего предка. А кроме того, Иван Тимофеевич последовательно собирал разнообразные факты и рассказы о Пушкине, желая постичь природу его таланта. Был Спасский знаком с докторами Арендтом и Далем, а также встречался

ТАЙНЫЕ СТРАСТИ СУКИНА СЫНА

со многими людьми из окружения великого поэта. После смертельного ранения Пушкина Иван Тимофеевич почти неотлучно находился у его постели и поэт оставил ему на память свою трость с серебряным набалдашником.

Доктор Спасский продуктивно работал еще около двадцати лет после гибели Пушкина, но потом сам заболел душевным расстройством, а через год скончался. Увы, такой конец был нередок среди прогрессивно настроенных людей в эпоху царской реакции.

Иван Тимофеевич Спасский оставил записки, в которых пытался проанализировать личность великого русского поэта. К сожалению, у записок моего прадеда отсутствует окончание, и поэтому нам неизвестно, какие выводы он сделал. Кроме того, полученное моим прадедом воспитание (он был сыном священника, служителя культа) обуславливало известную ограниченность его взглядов. Еще одной причиной, по которой доктор Спасский не мог сделать объективный анализ личности поэта, является, как я уже говорил, неразвитость психиатрической науки того времени. Сейчас, опираясь на достижения советской медицины и науки, я дал себе смелость закончить труд моего предка, проанализировав и обобщив его записи. Результат этой своей работы я выношу на ваш суд.

Глава I

Случилось это примерно году в 42-м. Пришлось мне задержаться в станционной гостинице примерно в тех местах, где годами ранее путешествовал великий наш поэт Пушкин, собирая материалы для своей «Истории Пугачевского бунта».

Его превосходительство барон Модест Андреевич Корф, управлявший делами Кабинета Министров и недавно назначенный государственным секретарем, стоял неизмеримо выше меня по общественному положению, несмотря на то что к тому времени я был уже в чине статского советника и получил диплом на дворянское достоинство, и в других обстоятельствах я вряд ли мог рассчитывать на откровенность с его стороны. Хотя нельзя сказать, чтобы мы были совсем незнакомы: несколько раз барон посещал Медико-хирургическую академию и ваш

ТАЙНЫЕ СТРАСТИ СУКИНА СЫНА

покорный слуга даже представлял ему доклады о положении дел в нашем учебном заведении и рекомендовал молодые таланты. Я был много наслышан о бароне Корфе как о человеке в высшей степени умном, деловитом, скромном, богобоязненном и обладающем всеми достоинствами государственного мужа. И вот, услышав, что барон, захворав в пути, находится неподалеку в доме местного помещика, я не замедлил явиться в усадьбу Василия Васильевича О., где остановился барон, и предложил свои услуги. Тем более что, наведя справки, я выяснил, что лекарь здешний поклоняется более Бахусу нежели Эскулапу и потому вряд ли способен оказать больному квалифицированную помощь. Приняли меня радушно. Добродушный Василий Васильевич был несказанно рад появлению столичного доктора, профессора и почти сразу же проводил меня к высокопоставленному больному.

Представившись, я внимательнейшим образом осмотрел пациента и определил его болезнь как неопасную, усилившуюся только из-за неправильного лечения. Сделав назначения, я задержался, желая удостовериться, что все будет исполнено правильно.

Привыкший к столичной жизни и активной деятельности барон страдал не только от недуга физического, но и от унылой деревенской скуки. Василий Васильевич изо всех сил

желал угодить своему гостю, но сам он был человеком простым и недалеким и вряд ли мог развлечь беседой умного и искушенного в жизни столичного чиновника. В этом смысле у барона Корфа было более общего со мной, человеком простого происхождения, но петербургским жителем, нежели с провинциальным столбовым дворянином.

Василий Васильевич развлекал барона анекдотами из деревенской жизни, со смехом передавая подробности местных судебных дел и сплетен о своих соседях. Он рассказывал о помещиках Н., муже и жене, которые были очень скупы; они жили в доме на двух половинах. Вечером общая приемная комната их никогда не была освещена. Когда докладывали им о приезде кого-нибудь, он или она, смотря по приезжему, то есть его ли это гость или ее, выходил или выходила из внутренней комнаты со свечою в руке. Когда же гость мог быть обоюдный, то муж и жена, являясь в противоположных дверях и завидя друг друга, спешили задуть свечу свою, так что гость оставался в совершенных потьмах.

Самой смешной и замысловатой была, пожалуй, тяжба о перечислении крестьянского мальчика Василья в женский пол.

— Отец этого предполагаемого Василия пишет в своем прошении, что лет пятнадцать

ТАЙНЫЕ СТРАСТИ СУКИНА СЫНА

тому назад у него родилась дочь, которую он хотел назвать Василисой, но что священник, быв под хмельком, окрестил девочку Васильем и так внес в метрику. Обстоятельство это, по видимому, мало беспокоило мужика, но когда он понял, что скоро падет на его дом рекрутская очередь и подушная, тогда он объявил о том голове и становому. Случай этот оказался полиции очень мудрен. Она предварительно отказала мужику, говоря, что он пропустил десятилетнюю давность. Мужик пошел к губернатору. Губернатор назначил торжественное освидетельствование этого мальчика женского пола медиком и повивальной бабкой. Тут уж как-то завелась переписка с консисторией, и поп, наследник того, который под хмельком целомудренно не разбирал плотских различий, выступил на сцену, и дело длилось годы, и чуть ли девочку не оставили в подозрении мужского пола.

Василий Васильевич сам от души хохотал над подобными делами, но барону эти рассказы порядком наскучили.

Теперь барон узнал меня и даже вспомнил некоторые детали из моих ему представлений. Он принялся расспрашивать меня о студентах, о лекциях, о поветриях, углубляясь даже в детали столь специальные, что я только дивился глубине его познаний.

Оказалось, что знаком он и с моим коллегой доктором Шольцем, служившим в Воспитательном доме, коего он принялся ругать из-за недавно имевшего место поветрия, унесшего жизни многих воспитанников. Зачитал он мне и жалобу, теми воспитанниками сочиненную: «Главная надзирательница бьет нас беспощадно при дворниках, нагих девиц, некоторые от ее тиранства с ума сходили и с заходных труб бросались. Всегда с ругательством нам упрекают, что мы непотребного рода».

Я как мог защищал своего коллегу, повествуя о трудностях его каждодневной службы, и, надеюсь, смягчил сурового барона.

— Злые матери приносят несчастных младенцев в таком жалком виде, что помирают те в первые же часы, и не всегда даже успевают их осмотреть доктора, — объяснял я. — Приносят младенцев и только что рожденных, и не всегда возможно найти для них кормилиц, а если в более позднем — то часто в таком истощенном виде, что уж лучше бы сразу....

Постепенно барон смягчился и заговорил о других предметах. Неожиданно он этак сощурил глаза и спросил:

— Это ведь Шольц и вы — те самые доктора, что осматривали нашего умирающего поэта Пушкина?

ТАЙНЫЕ СТРАСТИ СУКИНА СЫНА

Я не замедлил признаться, что имел честь исполнить сию печальную обязанность. Но к сожалению, сделать было ничего нельзя: рана была весьма тяжела. Я добавил, что и ранее неоднократно встречался с Александром Сергеевичем: лечил его покойную мать.... Потом, осмелев, я добавил, что знаком близко в Францем Осиповичем Пешелем, врачом в Царскосельском лицее.

— Вы ведь учились вместе с Пушкиным, ваше превосходительство, — произнес я, скорее с утвердительной, а не вопросительной интонацией.

Барон подтвердил, улыбнулся, вспомнив доктора Пешеля:

— Он был добрым человеком, о котором могли отзываться дурно разве только его больные, — заметил он.

— Отчего же так, ваше превосходительство? — поинтересовался я. — Неужели так плохо он вас лечил?

— Солодковым корнем, — рассмеялся барон, — других средств Франц Осипович не признавал. Да, впрочем, мы были молоды, сами выздоравливали. Это уж сейчас, под старость, без врачей — никуда...

Я решил быть откровенным с бароном и заговорил о Пушкине, о том, что знал его много лет и до сих пор не сумел еще понять

необыкновенной его натуры. О том, что не теряю надежды постичь секрет рождения его удивительных стихов. Я говорил о том, каким необыкновенным учебным заведением был Лицей, коли из его стен вышло столько людей необыкновенных... Моя неуклюжая лесть не прошла незамеченной: барон снисходительно улыбнулся. Было очевидно, что к лести он привык и хорошо умел ее распознавать. Но гнева я не вызвал! Напротив.

— Я бы мог кое-что вам порассказать... — проговорил Корф. — Но не боитесь ли вы, что созданный вами в воображении светлый образ Поэта будет разрушен? Вы ведь, как мне кажется, придумали для себя нечто вроде идеала...

— Ваше превосходительство, я был домашним врачом Пушкина и знал поэта достаточно хорошо, чтобы понять, что идеальным он не был. К тому же как врач я привык к тому, что под прекрасным обликом таятся болезни.

— Это правильный подход не только к врачеванию, но и ко многим другим сторонам жизни, — кивнул Корф. — Ну так скажу вам, что жизнь Пушкина была двойкая: жизнь поэта и жизнь человека. То есть как высок он был в своем творчестве, так низок и ничтожен в жизни. Не так давно явилось в Германии сочинение — воспоминания и заметки бывше-

ТАЙНЫЕ СТРАСТИ СУКИНА СЫНА

го петербургского книгопродавца Пельца. Вы читали?

— Да, ваше превосходительство, держал в руках и бегло ознакомился... — ответил я. — Имел возможность. Это, по обыкновению большей части иностранных сочинений о России, была горькая диатриба против нас и всего нашего. По сути, пересказ сплетен.

— Да, это так, но диатриба, в которой встречались и очень живые характеристики наших литераторов, — возразил барон. — Вот там, на тумбочке, — сочинение господина Пельца. Не соблаговолите ли подать?

Я повиновался. Взяв в руки томик в колленкоровом переплете, барон принялся читать по-немецки: «Пушкин получал огромные суммы денег от Смирдина, которых последний никогда не был в возможности обратно выручить. Смирдин часто попадал в самые стесненные денежные обстоятельства, но Пушкин не шевелил и пальцем на помощь своему меценату. Деньгами он, впрочем, никогда и не мог помогать, потому что беспутная жизнь держала его во всегдашних долгах, которые платил за него государь; но и это было всегда брошенным благодеянием, потому что Пушкин отплачивал государю разве только каким-нибудь гладеньким словом благодарности и обещаниями будущих произ-